

ИСТОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И РПЦ
ПО РЕШЕНИЮ ВОПРОСА ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ ПОВОЛЖЬЯК. А. Логвинов *Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления
Адрес: 302026, Россия, Орловская область, г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 12*Поступила
в редакцию
25.05.2025Поступила
после
рецензирования
21.07.2025Принята
к публикации
23.08.2025**Аннотация.** Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью системного анализа событий и фактов, предшествующих проведению экспроприации церковных древностей.

Целью исследования является рассмотреть исторический процесс деятельности государства и Русской Православной Церкви в вопросе помощи голодающим Поволжья, одним из этапов которого стала экспроприация советскими властями церковных ценностей. В рамках исследования выстраивается хронология принятия документов и создания профильных органов в период начала 20-х годов.

В исследовании был использован традиционный научный подход с соблюдением принципа историзма, научной объективности и целостности. Реализация данных принципов была осуществлена посредством совокупности следующих методов научного познания: историко-системного метода, позволяющего изучить произошедшие в этот период истории события как единую цепочку с системными связями; исторического анализа при работе с сохранившимися документами.

Что дальше можно развивать благодаря исследованию? Результаты. В своем исследовании среди прочего мы ставим задачу представить факты, относящиеся к деятельности, как органов государственной власти, так и Русской Православной Церкви, что позволит составить объективный взгляд на общую картину происходившего. Подобный подход дает возможность раскрыть причинно-следственные связи разворачивавшихся в масштабе страны исторических событий, послуживших движущей силой к проведению изъятия церковных ценностей в регионах, в том числе в Орловском крае.

Благодаря проведенному исследованию мы можем отследить истоки масштабной кампании по изъятию церковных ценностей, охватившую всю страну, в том числе и Орловский регион, что позволит увидеть место этого явления в отечественной истории. Полученные данные о порядке цифр изъятых имуществ могут пролить свет на дальнейшее расходование средств, согласно избранным приоритетам, так как уже доказано, что далеко не все они были потрачены на нужды голодающих.

Ключевые слова: история Русской Православной Церкви, голод в 20-е годы, Помгол, помощь РПЦ голодающим, международные гуманитарные организации, комиссии по изъятию ценностей, экспроприация церковных ценностей**Финансирование:** данное исследование выполнено без внешнего финансирования.**Для цит.:** Логвинов К. А. История деятельности советской власти и РПЦ по решению вопроса помощи голодающим Поволжья // Вестник государственного и муниципального управления. – 2025. – Том 14. – № 3. – С. 130–144. – EDN OXGSVY.

© Логвинов К. А., 2025

HISTORY OF THE ACTIVITIES OF THE SOVIET GOVERNMENT AND THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AIMED AT RESOLVING THE ISSUE OF AID TO THE STARVING PEOPLE OF THE VOLGA REGION

K. A. Logvinov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Central Russian Institute of Management
Address: 12, Oktyabrskaya st., 302026, Orel, Russian Federation

Received
25.05.2025

Revised
21.07.2025

Accepted
23.08.2025

Abstract. *The relevance of this study is due to the need for a systematic analysis of the events and facts preceding the expropriation of church antiquities.*

The purpose of the study is to consider the historical process of the state and the Russian Orthodox Church in the matter of helping the starving people of the Volga region, one of the stages of which was the expropriation of church valuables by the Soviet authorities. The study builds a chronology of the adoption of documents and the creation of specialized bodies in the early 20s.

The study used a traditional scientific approach in compliance with the principle of historicism, scientific objectivity and integrity. The implementation of these principles was carried out through a combination of the following methods of scientific knowledge: the historical-systemic method, which allows to study the events in a particular period of history as a single chain with systemic connections; historical analysis, when working with surviving documents.

What can be further developed thanks to the research? Results. In our research, among other things, we set the task of providing facts related to both the activities of government bodies and the Russian Orthodox Church, which would allow to form an objective view of the overall picture of current happenings. Such an approach makes it possible to reveal the cause-and-effect relationships of historical events unfolding on a national scale, which served as the driving force for the confiscation of church valuables in the regions, including the Orel region.

Thanks to the conducted research, we can trace the origins of a large-scale campaign to confiscate church valuables that covered the entire country, including the Orel region, which will allow us to see the place of this phenomenon in Russian history. The obtained data on the order of the figures for the confiscated property can shed light on the further spending of funds, according to the selected priorities, since it has already been proven that not all of them were spent on the needs of the starving.

Keywords: *history of the Russian Orthodox Church; famine in the 1920s; Pomgol; the ROC aid to the starving; international humanitarian organizations; commissions for the confiscation of valuables; expropriation of church valuables*

Funding: *This study was performed without external funding.*

For citations: Logvinov K.A. (2025) History of the Activities of the Soviet Government and the Russian Orthodox Church Aimed at Resolving the Issue of Aid to The Starving People of the Volga Region. *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol. 14, no. 3. P. 130–144 EDN OXGSVY

© Logvinov K. A., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Советская Россия вышла из Гражданской войны ослабленной. Промышленность фактически пребывала в состоянии коллапса вследствие разрушения инфраструктуры, разрыва традиционных экономических связей и расстройств механизмов регулирования. Рыночные механизмы более не действовали, а система тотального государственного регулирования имела ограниченные возможности. Для сельского хозяйства все эти обстоятельства были менее чувствительны, но и оно пострадало. Чрезвычайные меры периода Гражданской войны не способствовали росту посевных площадей, производительности труда и созданию антикризисных резервов продовольствия.

В итоге мощная засуха лета 1921 года привела к катастрофе. Отсутствие должного количества влаги погубило посевы в Поволжье, на Южном Урале, на Украине и Кубани. То есть без урожая оставались ключевые хлеботорговые районы. К концу 1921 года число голодающих достигло 20 млн. чел. Голод приобрел гомерические масштабы, сопровождаясь повальным озверением (Миронова, 1994, С. 10).

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на то, что в целом в Госинсводке № 5 от 18 июня 1921 года о настроениях в Орловской губернии отмечается как о «хороших», здесь же сообщается об отсутствии запасов продовольствия (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 387. Л. 394–400), хотя бедствия в регионе были, безусловно, несопоставимы с теми, что наблюдались в губерниях Поволжья, охваченных голодом в катастрофических масштабах.

Трагедия породила отклик у многих равнодушных граждан. 21 июля 1921 года для смягчения масштабов катастрофы был создан Всероссийский общественный комитет помощи голодающим (ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 96. Ед. хр. 4. Л. 115). В соответствии с модой эпохи на сокращения данный орган стал известен как Помгол.

Двенадцать членов Помгола были официальными представителями советской власти. Самый известный из них – А. В. Луначарский. Еще 61 человек – это общественные, научные, культурные и религиозные деятели (Макаров, Христофоров, 2006). Наиболее примечательны были десять из них: 1) Вера Николаевна Фигнер, депутат Учредительного собрания от партии конституционных демократов; 2) Фёдор Александрович Головин, столбовой дворянин, кадет; 3) Николай Михайлович Кишкин, член ЦК кадетской партии, министр государственного призрения Временного правительства; 4) Сергей Николаевич Прокопович, кадет, министр торговли и промышленности Временного правительства; 5) Николай Николаевич Кутлер, кадет, член ЦК, депутат Учредительного собрания; 6) Михаил Васильевич Сабашников, кадет, член ЦК, сотрудник подпольной антисоветской организации «9»; 7) Михаил Андреевич Осоргин, эсер; 8) Павел Александрович Садырин, кадет, депутат Государственной Думы; 9) Алексей Карпович Джевелегов, кадет, член ЦК. Десятая, Екатерина Дмитриевна Кускова, хотя и позиционировала себя как внепартийная социалистка, была известна своим неприятием большевизма и полемикой с самим В. И. Лениным. Из 61 человека 10 противников советской власти. Не так много, но советское правительство отнеслось к их присутствию в Помголе с большим беспокойством. Печатным органом комитета стала газета под названием «Помощь: Бюллетень Всероссийского Комитета помощи голодающим», которая, впрочем, просуществовала довольно недолго – успели выйти два номера, уже был подготовлен третий, но газету закрыли (Помощь..., 1921, С. 1–3).

Вскоре Помгол стал расцениваться, прежде всего, как организация антисоветских сил, которая при благоприятных обстоятельствах могла стать ядром буржуазного правительства. Возникли подозрения, что антисоветски настроенные лидеры Помгола планировали вступить в контакты с иностранными государствами как с целью дискредитации советской власти, так и в расчете на помощь в борьбе с большевизмом (На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией, 1923, С. 66–67).

Сложно сказать, насколько были верны эти оценки, в основе которых лежало мнение органов ВЧК. Член Помгола М. М. Щепкин в своих показаниях органам дознания, с од-

ной стороны, утверждал, что комитет был организацией, стоящей вне политики, единственной целью которой была помощь голодающим. С другой стороны, он не мог отрицать, что в кулуарах официальных заседаний, отдельные члены Помгола и их группы критиковали советскую власть, считали ее политику главной причиной голода. Коллапс экономики, по их мнению, в итоге может привести к крушению советской власти. В этих условиях комитет и другие общественные организации могут стать точкой сборки нового госаппарата.

Е. Д. Кускова подтверждает, что она и ее коллеги по комитету считали экономическую политику советской власти столь же существенной причиной голода, как и засуху. Одновременно она подчёркивала, что целью критики не была агитация против советской власти (Кускова, 1928, С. 58–59).

По всей видимости, именно эти разговоры дошли до ушей В. И. Ленина, который не стал вникать в тонкости, выясняя, где пустые разговоры переходят в контрреволюционную агитацию. 26 августа 1921 года он направил И. В. Сталину и другим членам Политбюро ЦК письмо с предложением о роспуске Помгола, который презрительно именовал «Кукиш» или «Прокукиш» (Прокопович – Кускова – Кишкин), а также с указанием об аресте С. Н. Прокоповича и ссылке других членов (Ленин, 1970, С. 141–142). На следующий день начались аресты членов комитета. 28 августа последовало официальное закрытие Помгола во исполнение постановления Президиума ВЦИК от 27 августа 1921 года (Сорокин, 2018, С. 527). Формальной причиной роспуска стал «отказ» членов комитета выехать для работы в деревни, находящиеся в зоне бедствия, по направлению, утвержденному постановлением Президиума ВЦИК от 18 августа 1921 года. Таким образом, роспуск, как и его обоснование, были заранее подготовлены представителями органов власти.

Помгол был обвинён в том, что вступил в сношения с заграничными белогвардейскими организациями и иностранными правительствами, враждебно настроенными против советской власти. Вместо практической работы вступил в политическую игру (Николаев, 1999, С. 70).

В итоге с членами Помгола обошлись как с представителями относительно безобидной, но контрреволюционной организации. С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, Н. М. Кишкин, М. А. Осоргин, Д. С. Коробов, И. А. Черкасов и Е. М. Кафьева были приговорены к ссылке (Васильева, 1996). Д. С. Коробов не имел ярко выраженного контрреволюционного прошлого. Тем не менее меньшевик, имел трения с советской властью по поводу организации кооперативного движения. В связи с последними в 1920 году был арестован ВЧК и приговорен к 15 годам лишения свободы. Отбыл полгода, не считая предварительного заключения, и был освобожден по амнистии. И. А. Черкасов – эсер, трижды арестовывался ВЧК – в 1918, 1920 и 1921 гг.

Ссылка была весьма условной. Самое отдаленное место – Казань, 717 км от столицы, если мерять по прямой. Далее шел Краснококшайск, 642 км. Невелика была и длительность ссылки. 1 ноября 1921 года был вынесен приговор, а в декабре 1922 года последними были освобождены Н. М. Кишкин и Е. М. Кафьева (Просим освободить из тюремного заключения (письма в защиту репрессированных), 1998).

Инициатор создания Помгола М. Горький параллельно связался с патриархом Тихоном. Помощница писателя Е. И. Киракозова вспоминала впоследствии, что совет обратиться к Церкви адресовал Алексею Максимовичу сам Ленин. Первая встреча будущих членов комитета с представителями советской власти состоялась в Кремле. Приглашение для патриарха на это мероприятие составлял сам Горький. Источник сообщает, что писатель не мог долго подобрать адекватного обращения. Ни «товарищ», ни «Ваше Святейшество» не подходили. Как бы то ни было, патриарх не вошел в состав 61 члена Помгола, ибо вплоть до начала осени 1921 года пребывал под домашним арестом и все его внешние контакты были под контролем органов госбезопасности (Иванова, 2007, С. 504–529).

Между тем еще в июне 1921 года патриарх Тихон обратился к архиепископу Кентерберийскому и владыке Нью-Йоркскому с просьбой о присылке продовольствия и медикаментов. Текст письма был опубликован в печати и использовался в дипломатической

переписке (Петров, 2002, С. 41–45). В советских газетах письмо было опубликовано не полностью и сопровождалось редакционными комментариями скептического характера. Суть их заключалась в том, что Церковь помогает страждущим весьма неохотно (Иванова, 2007).

Первой на призыв главы Русской Церкви откликнулась благотворительная организация из США «Американская организация помощи». Ее глава Герберт Гувер заявил о готовности оказать помощь немедленно, но при условии предоставления его организации полной свободы действий вне контроля со стороны Советского государства. Представители миссии должны были получить полную свободу передвижений внутри СССР. Свободно создавать местные отделения общества, для чего привлекать советских граждан на местах. Продовольствие, медикаменты и прочие предметы помощи должны были распределяться организацией по ее собственному усмотрению. В августе 1921 года после переговоров директора европейского отделения организации Вальтера Брауна и замнаркома иностранных дел М. Литвинова в Риге все эти условия были приняты советской стороной (Иванова, 2007).

Значительная часть пожертвований, направлявшихся в СССР иностранными благотворителями, адресовалась лично патриарху Тихону для последующей передачи нуждающимся. Сохранилась довольно значительная подборка документов, свидетельствующая о том, что глава Русской Церкви не уклонялся от этой обязанности. Немалая часть средств распределялась среди духовенства, представители которого не относились к категории трудящихся и исключались из государственной системы распределения товаров народного потребления (Иванова, 2007).

10 октября 1921 года директор лондонского отделения организации Эрнст Майер предложил Святейшему стать представителем Церкви при организации. Патриарх вынужден был отклонить предложение: «Что касается Вашего предложения о желательности моего назначения представителем Церкви в комитете АРА, действующем в России, я уверен, что такой шаг, совершенно естественный и полезный, едва ли осуществим при существующем положении Православной Церкви в России» (Иванова, 2007).

К лету 1922 года в Москве было решено, что американская миссия выполнила стоявшую перед ней задачу. Начался процесс постепенного выдавливания иностранных благотворителей из СССР. Параллельно были ограничены контакты патриарха с организацией. «Я сожалею о необходимости сообщить Вам, что я не могу дать свое одобрение на доставку пакетов с продовольствием к Патриарху из-за нелояльности последнего и явно враждебного отношения к правительству республики, которое проявилось в открытом нарушении ее законов и предписаний», – писал Берланду, руководителю отдела распределения организации, Ландер, представитель СНК при организации. Последние посылки были распределены Святейшим 29 июля 1922 года.

Сначала параллельно Помголу, а потом вместо Помгола была создана чисто государственная Центральная комиссия помощи голодающим (ЦК Помгол). Несмотря на непростую ситуацию в Орловской губернии с обеспечением населения продовольствием, 20 января 1922 года начальник Орловского упродгуба Риттерман спешил отчитаться наверх о «неуклонном исполнении» приказа округа от 1921 года и «всемерном содействии» сбору продналога (ГАОО. Ф-1419. Оп. 1. Д. 76. Л. 1). Позднее в качестве дополнительной меры для сбора помощи голодающим Поволжья с 1 февраля 1922 года по результатам «единенного совещания Окровоенпомгола» было введено отчисление в размере 3 процентов месячного содержания и однодневного пайка, выдаваемого в войсках Орловского военного округа (ГАОО. Ф-1419. Оп. 1 Д. 76. Л. 43).

Одновременно с сотрудничеством с иностранными благотворителями патриарх Тихон предпринял усилия по созданию собственно церковной организации помощи голодающим. Для этого глава Церкви вошел в контакт с ЦК Помгол.

Святейший предлагал посредством устной и печатной проповеди, нравственных чтений, духовных концертов и других средств Церкви развернуть агитационную кампанию по сбору материальных и денежных пожертвований в помощь голодающим. Аккумуля-

лизовать эти пожертвования должен был особый Церковный комитет. На местах организацией помощи должны были заниматься уполномоченные комитета или его местные отделения. Открывать склады и распределять продовольствие и медикаменты с них посредством сети раздаточных пунктов и столовых общественного питания. Собранные благотворительные средства не должны подлежать реквизиции. Сотрудники Церковного комитета и его местных организаций должны получить право на беспрепятственный созыв собраний. Рабоче-крестьянская инспекция работу Церковного комитета не должна контролировать, функции контроля передаются ЦК Помгол. Эти предложения были сформулированы патриархом Тихоном 5 августа 1921 года (Организация Церковного Комитета, 1921).

Интеллигентский Помгол оценил эту инициативу весьма позитивно. Москве и Петрограду явно не хватало агентов на местах. Церковь имела их в достаточном количестве в лице приходских священников и благочинных. Деятельность Помгола в районах, охваченных голодом, постепенно окутывалась легендами. Крестьяне принимали представителей Помгола за деятелей некоей «новой власти». Такие слухи нервировали как ВЧК, так и Помгол. Священник же был на селе фигурой привычной, его деятельность в данном случае не могла быть истолкована превратно. Кроме этого, Помгол рассчитывал на авторитет Церкви за границей, что должно было способствовать становлению международных связей и иностранной помощи.

Для установления связей к патриарху Тихону президиум Помгола направил Н.М. Кишкина и С. Н. Прокоповича – самых одиозных в глазах большевиков деятелей Помгола (первый и последний слог «Прокукиша»). Святейший в это время содержался под арестом на подворье Троицкого монастыря, все его контакты строго контролировались сотрудниками ВЧК (Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ, 2000).

Патриарх благословил деятелей Помгола на благое дело и после суточного размышления выпустил воззвание об образовании Церковного комитета помощи голодающим. Воззвание планировалось напечатать стотысячным тиражом и раздать после особого патриаршего богослужения в храме Христа Спасителя (Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ, 2000, С. 848–849).

Представитель советской власти в Помголе Л. Б. Каменев прямо назвал эти мероприятия организацией контрреволюции. Тем не менее в конечном итоге был вынужден уступить мнению большинства президиума Помгола. Воззвание было напечатано (без разрешения соответствующих органов государства и выделения необходимых средств это было невозможно сделать в государственной типографии, а других не было). Также было получено разрешение на всенародное моление под руководством патриарха.

Текст возвания патриарха к пастве был предварительно обсужден на заседании правительства. Неприятие у народных комиссаров вызвала, прежде всего, традиционная для проповеди мотивировка стихийного бедствия как наказания за грехи, призванного к исправлению грешников. Несмотря на все возражения Л. Б. Каменева, текст отправился в типографию в авторской редакции. Члены Помгола демонстративно склонились перед авторитетом главы Церкви, а Совнарком решил не ссориться с патриархом в сложившихся условиях. За обращением к пастве, разошедшимся в числе сто тысяч экземпляров, последовало обращение патриарха Тихона к архиепископу Кентерберийскому, первоиерарху Англиканской Церкви. Обращение было передано по радио, т. е. было сделано публично, а не в рамках личной переписки (Иванова, 2007).

5 августа 1921 года в храме Христа Спасителя состоялись всенародные моления. Тарелочный сбор дал около десяти миллионов рублей на нужды голодающих (Кускова, 1928, С. 48–53). Впоследствии по закрытии церковного Помгола все эти средства были конфискованы. В декабре 1921 года государство предложило Церкви возобновить сбор средств на нужды борьбы с голодом, но без создания особых органов, в порядке текущего управления, по приходам, благочиниям и епархиям. 19 февраля 1922 года патриарх направил по епархиям и приходам воззвание с призывом жертвовать на нужды голодаю-

щих, имеющиеся в церковной казне драгоценные предметы, если они не имеют богослужебного назначения. В последнем случае Церковь была связана канонами (73-е Апостольское правило): предметы богослужебного назначения могут быть использованы только для богослужения. Разрешить обратное не во власти земной Церкви (Воззвание патриарха Тихона к духовенству и верующим Российской Православной Церкви по поводу изъятия церковных ценностей 15/28 февраля 1922 года, АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 23. Л. 7 об.).

Тем не менее 26 февраля 1922 года последовало постановление ВЦИК об изъятии в пользу государства всех церковных ценностей вне зависимости от их назначения. 28 февраля последовал комментарий патриарха Тихона, разосланный по приходам в виде особого обращения. С точки зрения канонов такое изъятие есть святотатство, караемое низвержением из сана для клириков и отлучением от Церкви для мирян (Васильева, 1996, С. 74). Письмо главы Церкви было в установленном порядке разослано по церковным приходам. Приходские советы приняли соответствующие постановления о сдаче государству ценных вещей за исключением богослужебных предметов, которые выдаче не подлежат.

Сложившаяся ситуация обсуждалась на заседании ГПУ 8 марта 1922 года. Председательствовал зам. председателя И. С. Уншлихт. Он же констатировал эффективность работы Церкви в сфере передачи информации. Декрет о реквизиции церковных ценностей будет реализовываться со всей решительностью, но этому мероприятию должна предшествовать соответствующая идеологическая подготовка. Между тем агитационные структуры советской власти явно запоздали с проведением такой подготовки. Губернским комитетам партии предписывалось выделить для агитации свои лучшие силы. Координировать их работу должна была Центральная комиссия идейно-политической подготовки к изъятию ценностей. Местные агитаторы обязывались еженедельно докладывать комиссии о результатах их деятельности. Возглавил комиссию Ю. М. Стеклов, один из самых известных советских журналистов того времени, главный редактор газеты «Известия». Активно сотрудничали в комиссии известный публицист-атеист М.В. Галкин, писатель, критик, редактор журнала «Красная новь» А. К. Воронский. В состав комиссии вошел и зампред ГПУ Уншлихт, а также борец со шпионажем – помощник начальника 16-го отделения особого отдела ГПУ в Москве, будущий начальник 6-го отделения контрразведывательного отдела ГПУ И. И. Сосновский. 6-й отдел был создан для противодействия работе на территории СССР зарубежных белогвардейских организаций (Архивы Кремля, 1997, С. 115–116).

Газеты должны были ежедневно печатать материалы об изъятии церковных ценностей. Им должны были помогать местные органы ГПУ. Губернские комитеты ВКП (б) должны были организовывать доклады-диспуты (доклады с последующим обсуждением) с приглашением голодающих. По всей видимости, последние должны были стать живой иллюстрацией к характеристике последствий стяжательских устремлений духовенства, не желающего расставаться с церковными драгоценностями. Инструкция для агитаторов и тезисы основного содержания агитации должны были быть разработаны непосредственно в ЦК ВКП (б). Общественное мнение должно было настраиваться в пользу конфискации церковных ценностей посредством организации благодарственных писем от голодных губерний, отчетов сопровождающих маршруты представителей верующих, постановлений прихожан церквей и т. д.

Самым широким образом должно было освещаться бедственное положение голодающих губерний. Весь материал должен был подаваться предельно наглядно для воздействия на эмоциональную сферу граждан: передвижные выставки, демонстрация кинофильмов, распространение фотографий, карт, плакатов, диаграмм, листовок и т. д. Наглядная агитация поручалась организациям, где работали лучшие художники в жанре плаката: Российскому телеграфному агентству (РОСТА с его знаменитыми окнами) и Высшему редакционному совету. Все случаи, когда средства, вырученные от конфискации церковных ценностей, направлялись на помощь голодающим, должны стать агитационными поводами и широко освещаться в средствах массовой информации (Архивы Кремля, 1997, С. 116–117).

На заседании 8 марта 1922 года обобщался первый опыт агитации за изъятие церковных ценностей. Не состоялся анонсированный Московским комитетом ВКП (б) доклад-диспут. Помещение не смогло вместить всех желающих, основную массу которых составили верующие, настроенные против декрета. Предписывалось провести мероприятие 13 марта в Колонном зале Дома союзов и организовать явку на доклад-диспут достаточного количества коммунистов, сочувствующих изъятию церковных ценностей (Архивы Кремля, 1997, С. 117).

Аналогичные решения принимались на уровне региональных комитетов РКП (б). Проблем было две – недостаток организованности и предварительной агитации (Архивы Кремля, 1997, С. 118–119). В итоге Л. Д. Троцкий предложил меры по централизации мероприятий по изъятию церковных ценностей хотя бы на региональном уровне начиная со столицы. В Москве планировалось создать особый тайный комитет, который должен будет негласно курировать работу ЦК Помгола, на структуры которого возлагались ревизия и перепись церковного имущества с последующим изъятием ценностей (Архивы Кремля, 1997, С. 119–120). 13 марта 1921 года Политбюро ЦК приняло решение о привлечении к работе по изъятию церковных ценностей представителей «советской» части духовенства, т. е. обновленцев (Архивы Кремля, 1997, С. 121). Главным вдохновителем этой меры был Л. Д. Троцкий, который придавал ей, прежде всего, политическое значение. По его мнению, вопрос об изъятии церковных ценностей настолько болезнен, что может привести к существенному расколу среди духовенства. Священство, поддержавшее постановление ЦК РКП (б) от 26 февраля, не может вернуться обратно в лагерь «тихоновцев» (Васильева, 1996, С. 79).

В ответ на официальную пропаганду священство заявляло о твёрдости своей позиции. 12 марта 1922 года митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин писал в Петроградский губернский исполнительный комитет, что конфискация драгоценностей из храмов – это крайняя мера, которая оправдана только в том случае, если все другие средства борьбы с голодом исчерпаны. Владыка в косвенной форме ставил под сомнение истинность мотива антицерковной кампании, заявив, что конфискации допустимы, если вырученные средства «действительно пойдут на голодающих». Третье условие реализации постановления от 26 февраля – это патриаршее благословение. Сложно сказать, чего здесь больше: стремления к соблюдению канонической дисциплины или желания спрятаться за авторитетом первоиерарха. До того, как все три условия будут выполнены, владыка Вениамин почитал преждевременными все вопросы о технической стороне организации изъятия ценностей.

В марте 1922 года митрополит Петроградский лично вёл переговоры с представителями исполкома совета. На словах между государством и Церковью установилась полная симфония. Владыка получил заверения, что ценности будут изыматься по добровольному согласию священства с содействием прихожан. При храмах будет разрешено открыть благотворительные столовые для голодающих. Церкви представится возможность на собственные средства самостоятельно закупать продовольствие, привозимое в Россию из-за границы на продажу. В итоге были рассеяны опасения верующих в том, что изъятые ценности не будут реализованы в пользу голодающих (Васильева, 1996, С. 80).

Между тем партийная печать осветила визит владыки в Смольный совершенно превратно. Митрополит Вениамин засомневался в искренности представителей советской власти. Сомнения подтвердились. По предложению губ-исполкома епархия направила на заседания комиссии по изъятию церковных ценностей трёх своих представителей. Здесь стало окончательно понятно, что изъятие будет осуществляться принудительно и священноначалие своим присутствием вынуждено будет выразить свое согласие с совершенно антиканоническим мероприятием, направленным против Церкви. Правящий архиерей подчёркивал, что направил своих представителей в организацию помощи голодающим, а не в комиссию по изъятию церковных ценностей. Последнее есть соучастие в святотатстве.

Владыка Вениамин неоднократно подчёркивал, что епархиальное управление и приходские организации готовы помогать голодающим. Главное препятствие состоит в

отсутствии надлежащих разрешений со стороны государства. Если такие разрешения будут получены, дело помощи голодающим никак не пострадает. Напротив, лучше, если средства голодающим будет вручать тот, кто их пожертвовал. Как только Церковь израсходует все свои средства на помощь голодающим (сборы среди верующих денег, ценностей, дорогих предметов небогослужебного характера, продуктов и одежды) и не сможет нигде занять других средств, можно будет просить патриаршего благословения на пожертвование предметов богослужебного назначения. Такую меру Церковь может осуществить только по собственной инициативе, властью, данной ей Спасителем. Иной порядок не соответствует церковным правилам и будет представлять собой тяжкий грех. Духовенство и верующие не могут нарушить норм канонического права. Владыка заявлял, что публично осудит мероприятие, за участие в котором миряне отлучаются от Церкви, а клирики низвергаются из сана (Васильева, 1996, С. 80–83).

В Москве изъятием церковных ценностей с 13 марта 1922 года должна была заниматься особая комиссия под руководством Т. В. Сапронова, зампреда ВСНХ, члена Президиума и секретаря ВЦИК, при сопредседательстве Уншлихта как зампреда ГПУ и участия Ф. Д. Медведя как полномочного представителя ВЧК по Западному краю. Кроме них, в комиссию вошли секретарь Замоскворецкого райкома РКП (б) в Москве Р. С. Самойлова (Землячка), председатель Малого СНК, заместитель председателя Верховного Суда РСФСР А. В. Галкин (Архивы Кремля, 1997, С. 122).

Л. Д. Троцкий в письме В. И. Ленину констатировал, что по состоянию на 13 марта «из церквей не изъято практически ничего». Ценности взяты только при разборе имущества упразднённых монастырей, в музеях и разного рода древлехранилищах. В то же время на сторону советской власти для реализации постановления ЦК привлечено значительное количество представителей священства, в том числе епископата. Воззвание патриарха от 28 февраля Троцкий называл контрреволюционным и полагал, что сопротивление Церкви спровоцировано недостаточно решительными и организованными действиями советской власти. Если изъятие церковных ценностей в обеих столицах состоится без политических осложнений, то и во всей стране оно пройдет удовлетворительно (Васильева, 1996, С. 83–84).

Л. Д. Троцкий вышел с предложением о создании комиссий подобных московской во всех губерниях. В их состав должен был обязательно включён секретарь губернского комитета партии или в крайнем случае начальник агитационно-пропагандистского отдела губкома. Венчать систему должна была Центральная комиссия по изъятию церковных ценностей во главе с председателем Всероссийского Центрального исполнительного комитета М. И. Калининым. Мероприятие должно было проводиться в заранее определённые сроки, сначала в обеих столицах, а потом, когда станет ясна первая реакция общественности на ограбление храмов, перемещаться далее в провинцию. Политбюро рекомендовало включать во все губернские комиссии начальника местного гарнизона или начальника политотдела. Все эти комиссии должны были функционировать в режиме секретности. Их задача организационная. Саму по себе приемку ценностей должны были осуществлять особые столы местных отделений Помгола. «Строго соблюдать, чтобы национальный состав этих официальных комиссий не давал повода для шовинистической агитации», – предписывало высшее партийно-политическое руководство (Архивы Кремля, 1997, С. 133–134).

За неделю до начала конфискации должна стартовать пропагандистская кампания, которая по замыслу организаторов не должна быть ни антицерковной, ни антирелигиозной. Только агитация за помощь голодающим. В ряды противников изъятия церковных ценностей полезно внести раскол. Тех священников, которые поддержат декрет, надлежало взять под государственную охрану. Партийная агитация и церковная проповедь за изъятие церковных ценностей должны сохранить самостоятельную организацию. Партийными агитаторами должны руководить соответствующие отделы парткомов, а проповедью с амвона – сама иерархия.

Одновременно в партийной проповеди должно быть указано, что у атеистов и верующих общий враг – стяжательно настроенные «князья церкви». На протяжении всей недели агитации должен был быть организован постоянный мониторинг настроения различных групп верующих. Все зачинщики выступлений против конфискации церковных ценностей должны были своевременно арестовываться, а выступления пресекаться в зародыше. В качестве потенциальных подстрекателей рассматривались в первую очередь «буржуазные купеческие элементы и бывшие чиновники». Использовался термин «черносотенная агитация». Последней мерой пресечения массовых выступлений верующих против декрета должны были быть демонстрации и митинги за «спасение голодающих». Непременными участниками таких акций должны были стать вооруженные солдаты местных гарнизонов.

В неделю агитации запрещались превентивные аресты авторитетных в глазах общественного мнения представителей священства. В то же время все вышеозначенные персонажи должны были быть официально, под расписку предупреждены об ответственности. В случае сопротивления прихожан действиям власти вина будет возложена на настоятеля храма (Архивы Кремля, 1997, С. 134–135).

Сам процесс изъятия церковных ценностей должен был быть осуществлен в кратчайшие сроки. Его ни в коем случае не должна задерживать бумажная часть: учет и сдача в Гохран. Начинать следует с того храма, где вероятность сопротивления клира и прихожан минимальна, а настоятель настроен к декрету лояльно. Если такового нет, начинать с собора. Работа комиссии должна сопровождаться пикетированием подходов к храму группами коммунистов. Военскую часть, желательно специального назначения, необходимо держать наготове. В каждый храм привести представителя голодающих – живое агитационное пособие по изъятию церковных ценностей. В каждое отделение Помгола пригласить лояльного к декрету священника для осуществления общественного контроля. Надо убедить верующих, что ничего из церковных ценностей не будет потрачено на что-то иное, кроме помощи голодающим (Архивы Кремля, 1997, С. 135).

14 марта 1922 года Московская комиссия постановила, наряду с другими мерами, составить карту столичных храмов с указанием настроения верующих по поводу предстоящего изъятия церковных ценностей. В бедных деревенских церквях, особенно расположенных в «неблагополучных районах», рекомендовалось изъятия ценностей не производить.

Верующие предлагали властям выкуп церковных ценностей. Однако исполнителям изъятия особо предписывалось не принимать в счет выкупа продукты, а только другие ценности, драгоценные металлы и камни при условии, что они не были собраны с прихожан (Архивы Кремля, 1997, С. 124, 126–127), поскольку такие предложения верующих часто делались не будучи подкреплены материальными средствами, комиссии воспринимали их как средства затяжки времени. С вопросом о выкупе должно было из местных отделений отсылать сразу в ЦК Помгола (Архивы Кремля, 1997, С. 135).

Еще 16 марта 1922 года Политбюро ЦК полагало, что мероприятие полностью не подготовлено (Архивы Кремля, 1997, С. 129). 17 марта прозвенел первый тревожный звонок. Председатель Смоленского губернского исполнительного комитета Булатов доносил телеграфом в столичное ГПУ о неудаче изъятия ценностей из кафедрального собора. Верующие в большом количестве пикетировали храм круглосуточно. Представители комиссии по изъятию церковных ценностей не были допущены в храм. На переговоры с комиссией верующие не идут (Архивы Кремля, 1997, С. 130). Секретарь Калужского губернского комитета РКП (б) доносил, что на одном из заводов состоялась трёхдневная стачка, в ходе переговоров с комитетом которой обсуждался и вопрос о конфискации церковных ценностей (Архивы Кремля, 1997, С. 131).

В Шуе верующие напали на отряд милиции и красноармейцев, разоружив часть из них. Секретарь Иваново-Вознесенского губкома РКП (б) И. И. Коротков возлагал вину за эскалацию конфликта на «попов-монархистов и социалистов-революционеров». В итоге части специального назначения и линейная пехота 146-го полка РККА вынуждены были

открыть огонь на поражение, применив, в частности, и автоматическое оружие. В итоге пять убитых и 15 раненых. При этом число раненых определялось только теми, кто обратился за профессиональной медицинской помощью. К демонстрации верующих присоединились две фабрики, объявившие о забастовке (Архивы Кремля, 1997, С. 132–133).

19 марта 1922 г. последовала телеграмма ЦК РКП (б) губернским и областным комитетам партии о временной приостановке реализации декрета для проведения предварительной идеологической подготовки (Архивы Кремля, 1997, С. 139).

Л. Д. Троцкий полагал, что кампания по изъятию церковных ценностей была фактически сорвана по вине Президиума ВЦИК. Декрет был опубликован без предварительной подготовки к его немедленной реализации. В итоге не лояльное к декрету духовенство было предупреждено заблаговременно и смогло подготовиться к отпору (Архивы Кремля, 1997, С. 136).

В. И. Ленин 19 марта 1922 года через секретаря ЦК В. М. Молотова передал Политбюро особое секретное послание. События в Шуе расценивались лидером партии как частное проявление широкомасштабного организованного сопротивления «черносотенного духовенства» решениям советского правительства, главным координатором которого является патриарх Тихон.

Между тем сам В. И. Ленин указывал, что Церковь находится в слабой позиции, невыгодной для борьбы. Возражая против изъятия церковных ценностей, Церковь автоматически выступает против помощи голодающим. Черносотенное духовенство и «реакционное городское мещанство» лишаются из-за этого поддержки крестьянства. Государство в сильной позиции. Оно выступает с позиций человечности и гуманизма. По сему большевистский вождь полагал, что настал удобный момент разгрома церковной организации для искоренения даже потенциальной оппозиции советской власти. Не будет голода – Церковь при попытках посягательства на ее собственность поддержат широкие круги верующих. Советское государство в нужный момент не получит нескольких сотен миллионов золотых рублей. «Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе, в особенности, совершенно невозможны», – заключал В. И. Ленин (Васильева, 1996, С. 89).

Таким образом, перед кампанией по изъятию церковных ценностей ставились две задачи: сбор необходимых для государства средств и максимальное обескровливание духовенства как контрреволюционной силы. Меры предлагались самые решительные, вплоть до казней: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше, надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать» (Васильева, 1996, С. 91).

В. И. Ленин не сомневался в том, что антисоветская деятельность духовенства координируется патриархом Тихоном, но рекомендовал пока воздерживаться от его ареста, ограничившись наблюдением для выявления связей.

В Москве и Петрограде к изъятию церковных ценностей планировалось приступить не позднее 31 марта. В губерниях по готовности, но не задерживая начало ни на один лишний день (Архивы Кремля, 1997, С. 135–136).

Уже 20 марта 1922 г. из Шуи сообщали, что собрание делегатов рабочих всех городских предприятий высказалось за изъятие церковных ценностей. Далее это решение было провозглашено на митинге. Итоги подвела губернская партийная конференция. «Осудила попов погромщиков и одобрила изъятие» (Архивы Кремля, 1997, С. 147–148).

20 марта 1922 года ГПУ представило Политбюро докладную записку о текущей ситуации вокруг реализации декрета об изъятии церковных ценностей. Реализации оказывается организованное сопротивление, координируемое патриархом Тихоном и его Синодом. К членам Синода и патриарху постоянно прибывают из провинции эмиссары со сведениями о положении на местах. Сверху вниз идет поток директив с предписаниями отказываться от сдачи ценностей под предлогом противоречия Священному Писанию и трудам «так называемых отцов Церкви». В столице организуются нелегальные собрания,

на которых обсуждается координация мер по противодействию декрету. Священство настраивает прихожан против действия власти. Вся суть мероприятия в том, что контрреволюционное духовенство планирует придать сопротивлению форму стихийных протестов верующих без участия священства (Архивы Кремля, 1997, С. 149).

В то же время, по сведениям ГПУ, не все епископы разделяют политику Синода. Каноны не позволяют им открыто противиться церковному начальству, но, если церковное управление будет обезглавлено, могут взять на себя созыв Архиерейского собора и смену высшего церковного руководства. ГПУ решительно высказывалось за арест патриарха и Синода, организацию лояльными к советской власти попами церковного собора. Священство, сопротивляющееся реализации декрета об изъятии церковных ценностей, необходимо выслать в районы, наиболее пострадавшие от голода, как наглядное пособие по контрреволюционной деятельности Церкви (Архивы Кремля, 1997, С. 149–150).

Л. Д. Троцкий полностью поддержал идею ареста патриарха и Синода, но пока считал данную меру несвоевременной, предлагая выждать 10–15 дней. Сначала опубликовать данные о репрессиях против участников событий в Шухоминском, потом перейти к регулярному освещению всех случаев сопротивления реализации декрета. Инициировать процесс о расхищении духовенством церковных ценностей. Только после такой идеологической подготовки можно арестовывать Синод и приступать к изъятию ценностей, пропуская заведомо бедные храмы (Архивы Кремля, 1997, С. 151–152).

23 марта 1922 года Л. Д. Троцкий адресовал Политбюро еще одно предложение. В счет будущих ценностей выделить миллион рублей на немедленную закупку хлеба для голодающих. Привлечь к работе ЦК Помгола одного из представителей лояльного к советской власти епископата, например Антонина (Грибановского). Калинин дать интервью прессе. Троцкий предлагал Политбюро основные тезисы, которые М. И. Калинин должен был развить в своем интервью.

Во-первых, следовало особо подчеркнуть, что государство не борется ни с Церковью, ни с религией. Помгол готов оказать прихожанам содействие в приобретении новой церковной утвари взамен конфискованной. Во-вторых, основными мотивами, определяющими отношение духовенства к декрету от 23 февраля 1922 года, являются человеколюбие и корыстолюбие. Там, где побеждают гуманистические соображения, там духовенство активно сотрудничает с советской властью в деле сдачи церковных ценностей. «Жадная и хищная» часть духовенства противодействует реализации декрета. В-третьих, та часть духовенства, которая выступает против изъятия церковных ценностей «под всякими лицемерными предлогами и с иезуитскими ухищрениями», выступает одновременно против советской власти. «Правящая часть духовенства занимается в то же время явно преступной контрреволюционной агитацией против советской власти», – должен будет заявить оратор (Архивы Кремля, 1997, С. 154). В-четвертых, декрет об изъятии церковных ценностей был принят по инициативе широких слоев трудящихся, в том числе и верующих.

Противодействует реализации мероприятий подавляющее меньшинство, противопоставившее себя обществу. «Борьба против декрета ведется со стороны кучки князей церкви и поддерживающих их бывших купцов, подрядчиков, отставных чиновников, управляющих сплошь и рядом, делами групп верующих», – гласила официальная позиция советской власти (Архивы Кремля, 1997, С. 154). В-пятых, следует решительно пресечь всякие разговоры о нецелевом использовании средств, конфискованных для нужд голодающих. Для этого в состав комиссий Помгола на местах должны обязательно вводиться представители клира и прихожан. В-шестых, советская власть не вмешивается в дела Церкви, но намерена пресекать контрреволюционную борьбу «церковных князей». Последние всегда были на стороне самодержавия и капиталистов. Власть царя, его министров, помещиков, дворян и капиталистов свергнута. Сопротивление законным действиям советской власти будет пресекаться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На первом этапе, несмотря на проводимую после революции жесткую государственную политику, в политике государства, наряду с политическими интересами, еще просматривались гуманистические устремления. Позднее, по мере развертывания кампании по изъятию церковных ценностей, ситуация стала меняться.

Так как вертикаль власти не была окончательно сформирована, органы на местах не имели авторитета, поэтому потребовались ресурсы для работы на местном уровне для участия в гуманистическом проекте – помощи голодающим. В этом качестве на первом этапе осуществления программы помощи были задействованы священнослужители как пользующиеся доверием местного населения. Кроме того, параллельно были использованы международные связи Русской Православной Церкви и допущены к работе международные гуманитарные организации.

У Русской Православной Церкви на начальном этапе оставалась некоторая возможность участия в жизни общества при решении гуманитарной проблемы помощи голодающим. Но даже уже тогда степень ее участия жестко контролировалась. На втором этапе сотрудничество как с РПЦ, так и с международными организациями было прекращено, поскольку действующая власть видела в них своих конкурентов во влиянии на общество, а также опасалась развития контрреволюционного движения.

Начало экспроприации пришлось на переходный от первого ко второму этапу период, поэтому первоначально представители РПЦ рассчитывали разделить категории церковных ценностей на ценности богослужебного назначения и прочие. Предполагалось, что экспроприации будут подвержены последние. Однако очень скоро стало понятно, что на практике этот принцип реализовать не удастся.

Список литературы:

1. Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. В 2-х кн. Кн. 1 / изд. подготовили Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. – М.: «Российская политическая энциклопедия»; Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1997. – 600 с.
2. Иванова, Е. В. Патриарх Тихон и голод 1921–1922 годов в России. I. Патриарх Тихон и миссия АРА. II. Церковный Помгол. III. Патриарх Тихон и Этан Колтон / Е. В. Иванова // Богословские труды. Том 41. – Москва: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2007. – С. 504–529. – EDN VUMIDF.
3. Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6 т. / отв. ред. А. К. Сорокин. В 4 кн. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – Т. 1. 1917–1924 гг. – 646 с.
4. Кукова Е. Д. Месяц «соглашательства» // Воля России. – 1928. – № 4. – С. 43–61.
5. Ленин В. И. Письмо И. В. Сталину. – Полн. собр. соч. – Т. 53. – 1970. – 545 с.
6. Макаров, В. Г. К истории Всероссийского комитета помощи голодающим / В. Г. Макаров, В. С. Христофоров // Новая и новейшая история. – 2006. – № 3. – С. 198–205. – EDN НТННVN.
7. Миронова С., Боже В. Неизвестный голод // Воля. – 1994. – № 2–3. – С. 5–20.
8. На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией: сборник статей. – М.: Красная новь, 1923. – 150 с.
9. Николаев М. Г. Царский министр делает советские деньги: страницы биографии Н. Н. Кутлера – одного из творцов денежной реформы 1922–1924 гг. – М.: Государственный исторический музей, 1999. – 142 с.
10. Обращение патриарха Московского и всея России Тихона к православным 15 (28) февраля 1922 г. // Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941 гг. Документы и фотоматериалы. – М.: Издательство Библейско-богословского института св. апостола Андрея, 1996. – С. 74.
11. Организация Церковного Комитета // Помощь. Бюллетень Всероссийского комитета помощи голодающим. – 1921. – № 2. – 22 августа. – С. 3.
12. Петров С. Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник

по истории русской церкви (1921–1925). – М., 2002. – С. 41–45.

13. Поляков, В. А. Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия: монография / В. А. Поляков; В. А. Поляков; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Волгоградский государственный университет». – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2007. – 734 с. – ISBN 978-5-98461-401-6. – EDN QPGXUT.

14. Поляков Ю. А. 1921-й: победа над голодом. – М.: Политиздат, 1975. – 112 с.

15. Помощь: Бюллетень Всероссийского комитета помощи голодающим / со вступ. ст. Михаила Геллера. – Лондон: Overseas publ. interchange, 1991. – 16 с.

16. Просим освободить из тюремного заключения (письма в защиту репрессированных). – М.: Современный писатель, 1998. – 208 с.

17. Русская православная Церковь и коммунистическое государство, 1917–1941: документы и фотоматериалы / отв. сост.: О. Ю. Васильева. – Москва: Библейско-богословский институт святого апостола Андрея, 1996. – 326 с.

18. Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. – М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2000. – 1016 с.

Сведения об авторе:

ЛОГВИНОВ Кирилл Александрович, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления, адрес: 302026, Россия, Орловская область, г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 12, e-mail: kilogvinov@yandex.ru

SPIN-код: 9356-6987, AuthorID: 1307194

ORCID <https://orcid.org/0009-0003-7518-7041>

References:

1. Kremlin archives. Politburo and the church. 1922–1925 In 2 books. Book 1/ed. prepared by N.N. Pokrovsky, S.G. Petrov. – М.: «Russian Political Encyclopedia»; Novosibirsk: «Siberian Chronograph», 1997. 600 p. (In Russ.).

2. Ivanova, E. V. (2007) Patriarch Tikhon and the famine of 1921–1922 in Russia. I. Patriarch Tikhon and the mission of the ARA. II. Church Pomgol. III. Patriarch Tikhon and Ethan Colton. Theological works. Volume 41. Moscow: Publishing Council of the Russian Orthodox Church. P. 504–529. (In Russ.). EDN VUMIDF.

3. Confessional policy of the Soviet state. 1917–1991: Documents and materials: in 6 volumes / ed. A. K. Sorokin. In 4 books. М.: Political Encyclopedia, 2018. Vol.1. 1917–1924. 646 p. (In Russ.).

4. Kuskova E. D. (1928) Month of «compromise». Volya Rossii. no. 4. P. 43–61. (In Russ.).

5. Lenin V. I. (1970) Letter to I. V. Stalin. Complete collected works. Vol. 53. 545 p. (In Russ.).

6. Makarov, V. G. (2006) On the History of the All-Russian Committee for Aid to the Starving. New and Contemporary History. no. 3. P. 198–205. (In Russ.). EDN HTHHVN.

7. Mironova S., Bozhe V. (1994) Unknown Famine. Volya. no. 2–3. P.5–20. (In Russ.).8. On the Ideological Front of the Struggle with Counterrevolution: A Collection of Articles. - Moscow: Krasnaya Nov, 1923. 150 p. (In Russ.).

9. Nikolaev M. G. (1999) The tsar's minister Makes Soviet Money: Pages from the Biography of N. N. Kutler, One of the Creators of the Monetary Reform of 1922–1924. Moscow: State Historical Museum. 142 p. (In Russ.).

10. Appeal of Patriarch Tikhon of Moscow and All Russia to the Orthodox on February 15(28), 1922. The Russian Orthodox Church and the Communist State. 1917–1941. Documents and photographs. М.: Publishing House of the Biblical and Theological Institute of St. Apostle Andrew, 1996. P. 74. (In Russ.).

11. Organization of the Church Committee. Aid. Bulletin of the All-Russian Committee for

Aid to the Starving. 1921. no. 2. August 22. (In Russ.).

12. Petrov S. G. Documents of the office work of the Politburo of the Central Committee of the RCP (b) as a source on the history of the Russian Church (1921-1925). M., 2002. P.41-45. (In Russ.).

13. Polyakov, V. A. (2007) Famine in the Volga Region, 1919-1925: Origin, Features, Consequences: Monograph / V. A. Polyakov; V. A. Polyakov; Federal Education Agency, State Educational Institution of Higher Professional Education «Volograd State University». Volgograd: Volgograd Scientific Publishing House. 734 p. ISBN 978-5-98461-401-6. (In Russ.). EDN QPGXUT.

14. Polyakov Yu. A. (1975) 1921: Victory over Famine. Moscow: Politizdat. 112p. (In Russ.).

15. Aid: Bulletin of the All-Russian Committee for Aid to the Starving / with an introduction by Mikhail Geller. London: Overseas publ. interchange, 1991. 16 p. (In Russ.).

16. Please release from prison (letters in defense of the repressed). M.: Sovremennyy pisatel, 1998. 208 p. (In Russ.).

17. The Russian Orthodox Church and the Communist State, 1917-1941: documents and photographs / ed. by O. Yu. Vasilyeva. Moscow: Biblical and Theological Institute of St. Apostle Andrew, 1996. 326 p. (In Russ.).

18. The investigative case of Patriarch Tikhon. A collection of documents based on materials from the Central Archive of the FSB of the Russian Federation. M.: Publishing House of the Orthodox St. Tikhon Theological Institute, 2000. 1016 p. (In Russ.).

Author:

LOGVINOV Kirill A. *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Central Russian Institute of Management*, address: 12, Oktyabrskaya st., 302026, Orel, Russian Federation, e-mail: kilogvinov@yandex.ru

SPIN-код: 9356-6987, AuthorID: 1307194

ORCID <https://orcid.org/0009-0003-7518-7041>

Конфликт интересов: автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и/или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

© Логвинов К. А., 2025

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>